

Саша Чёрный

«Илья Муромец»

*Часть сборника
Избранная проза*

Саша Чёрный

«Илья Муромец»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986880

Избранная проза: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-14284-3

Аннотация

«Душок над стойкой стоял густой и сложный: нудно пахли в июльской духоте распластанные на тарелках кильки; рыжие пирожки излучали аромат прогорклого тюленьего жира; кислая капуста вплеталась в копченый колбасный душок; слоеные пирожные, по-русски крупные и густо засыпанные пудрой, приторно благоухали рядом с горкой котлет, щекотавших ноздри выпивающих и закусывающих гостей добротным запахом пережаренных сухарей...»

Саша Чёрный

«Илья Муромец»

Душок над стойкой стоял густой и сложный: нудно пахли в июльской духоте распластанные на тарелках кильки; рыжие пирожки излучали аромат прогорклого тюленьего жира; кислая капуста вплеталась в копченый колбасный душок; слоеные пирожные, по-русски крупные и густо засыпанные пудрой, приторно благоухали рядом с горкой котлет, щеко-тавших ноздри выпивающих и закусывающих гостей добротным запахом пережаренных сухарей. Над всеми запахами царило алкогольное амбре, словно чудом перенесенное в Париж из какого-нибудь старого извозничьего петербургского трактира с Коломенской улицы... Лекарственное дыхание зубровки, крепкий с водочной кислинкой аромат белой головки, шершавый запах перцовки, горьковато-терпкий букет померанцевой, – и как фундамент над всеми спиртуозами – теплый и тошнотворный, застоявшийся пивной чад.

Дарья Петровна за свои четыре ресторанные года ко всему притерпелась – к ночной работе, к излипаниям и возлияниям торчащих над стойкой разнокалиберных голов, даже к мигрени своей привыкать стала... А вот к этому сложному, сгущавшемуся к вечеру настою никак привыкнуть не могла, – только прижимала к ноздрям смятый в тряпочку платочек да мученически поводила глазами. Хоть бы форточку по-рус-

ски в витрине завели, ироды! В кочегарках только адовой духотой да угольной пылью людей сушат, а тут летом похлеще кочегарки...

Работа только разворачивалась. Через садик – четыре ящика с буро-зеленой замученной паклей на прутьях – входили клиенты. Подкатывали перед ночным рейсом шоферы, чтобы подкрепить душу пирожком с визигой, большой рюмкой водки и двумя-тремя милыми словами: сегодня Дарья Петровна дежурит. Приплелся знакомый конторщик, измолчавшаяся на службе беспокойная душа, – сейчас доест свои голубцы и начнет спорить с любым гостем направо, гостем налево, в любом направлении «туда и обратно». С каждой рюмкой зубровки все крепче будет чеканить каждое слово, все трезвее и категоричнее рассуждать – такая уж у него манера пьянеть. Рикошетом вкатились трое французских рабочих. С этими возни немного: свежеспросольный огурец, перцовка и здравствуйте-прощайте. Двое – постарше, усталые глаза, серые, точно цементом запыленные, лица, беззвучно смотрят на хозяйкин бюст – даже и такая чудовищная штука им не в диковинку, и только после второй рюмки перцовки удивленно взглянули друг на друга: серьезная водка! Третий рабочий, до чего забавно, – совсем как русский приготовишка, – волосы светлым пушком, круглые детские глаза, – хотя лет ему, конечно, тридцать с гаком. Перцовкой чуть не подавился, куда ему такая... И все посматривает на Дарью Петровну; прицелился было заговорить, да не решился или не

сумел. А ей наплевать – и своих прилипал достаточно, «досыть», как говорил пан Дробышевский после пятнадцатой рюмки.

Перегнувшись над стойкой, она заткнула чью-то пристававшую к ней пасть пивом и пирожками и вспомнила о своей девочке. Сидит там в последней комнате и ждет. В отеле ни за что не хотела оставаться. Бедная мартышка, чужая она какая-то стала. Сидит в свободные часы на постели и все о своем Гавре рассказывает...

Уже два года, как Дарья Петровна переборола себя, – легче было бы руку отрезать... Отдала дочку знакомым еще по России французам в Гавре; цену берут божескую, учится она там, из сумрачного зверька превратилась в безразлично-вежливую французскую девицу. Теперь, перед отправкой в детский русский лагерь, несколько дней живет у матери... Сегодня, в дежурный день, притащилась сюда. Вот будто и отходит куда-то в сторонку, – теплые детские дни где-то там, в чужом городе, делают свое, – школа, подруги, ласковые к ней бездетные французы. «Дядя и тетя» вчерашнего числа, а ведь скоро и совсем родными ее дочке покажутся... Приехала в Париж, глаза чужие, все всматриваются. Тоже прокурор нашелся. Однако от матери ни на шаг... Вот и сюда, в распаренную обжорку, увязалась...

Дарья Петровна встрепенулась, вспомнила о клиентах и во все стороны стала бросать:

– С мясом сейчас будут, с визигой есть и с рисом...

– С вас – три водки, две котлеты, – рыжиками закусывали?

Восемь с полтиной. Мерси.

– Иван Поликарпович, оставьте мой локоть в покое. Не для вашего носа.

– Закусывать, Петенька, надо. А то один такой пил, да не закусывал... Спирт в нем и загорелся...

* * *

В последней комнате было уютнее и тише. Обои в лирах с бурыми розанами, точно в русском уездном номере: на стене «Дворец дождей» и часы с гирей. Толстый кот, сонный брюнет Митька, вяло переходил от столика к столику и равнодушно отвергивался от подачек: тоже – еда... Отдельные поздние, мирные клиенты в тишине доедали перестоявшийся на кухне ужин, больше четвертинки ординарного вина не заказывали, – иногда мысленно подсчитав наличность, – была не была! – спрашивали стакан чаю и ягодное пирожное. Не у стойки ели, – на каждый день каждый франк рассчитан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.